

大正電腦ガイズム絵巻

De CAME Pa

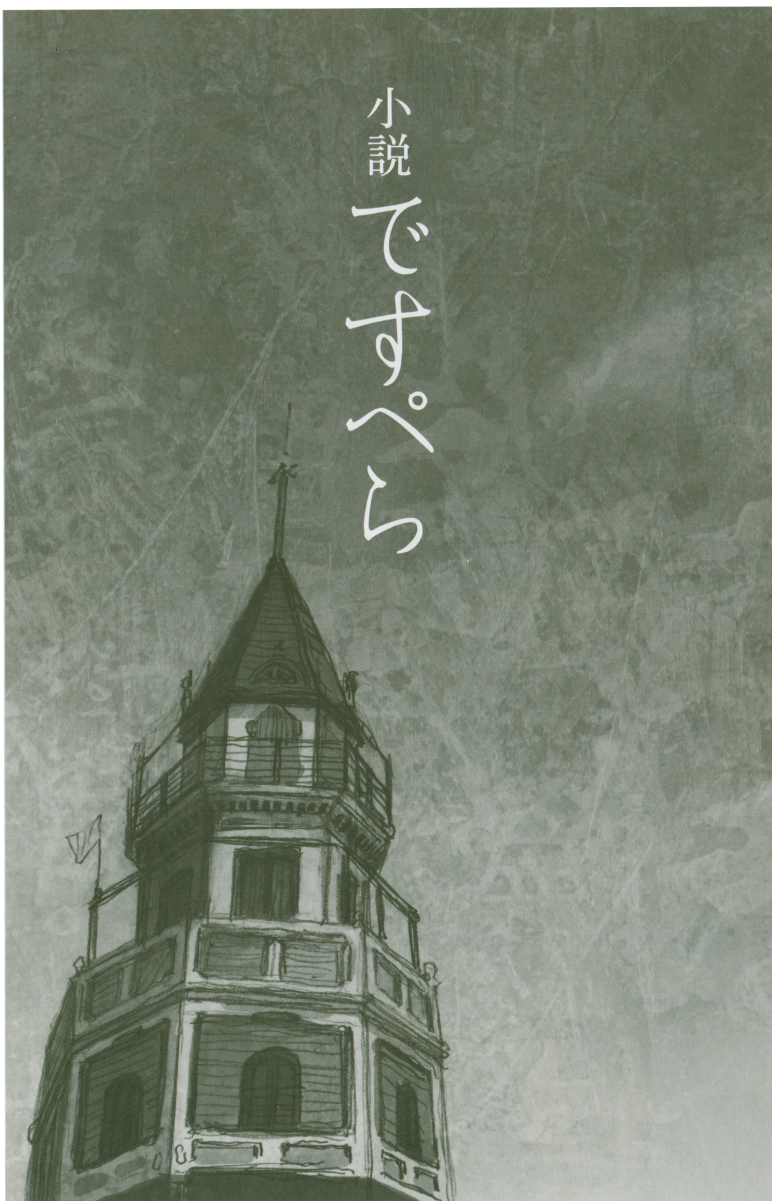
DISPRA

Деспера

Тиаки Конака
Ёситоси Абэ
Рютаро Накамура

小説
です。へら

ГЛАВА

1

АСАКУСА ДЗЮНИКАЙ

Получив уведомление о долгожданной посылке из Йокогамы, он подумал, что наконец сможет осуществить то, о чем всегда мечтал. Черный ход в Дзюникай под вечер стоял открытым, ожидая грузовую машину.

- Осторожней. Они очень хрупкие.
- Там внутри стекло? Ужасно тяжелое.

В башню Асакусы перетащили больше дюжины деревянных ящиков. Их содержимое было сделано из стекла, но не походило на произведение искусства. Когда грузчик уехал, Такэсита остался один в подвале Дзюникай.

На полу растянулась туча проводов для подключения того, что ещё лежало упакованным внутри. Он решил подождать и запитать оборудование завтра. В любом случае, на это уйдет несколько дней.

Выйдя на улицу, он взглянул на здание. Правильнее было бы назвать его Асакуса Дзюникай, а не Рёункаку. Построенный в эпоху Мэйдзи, раньше он полнился посетителями, приехавшими поглазеть на знаменитую достопримечательность, но сейчас, спустя десяток лет с начала эпохи Тайсё, кирпичные стены покрылись слоем грязи, а внутри продавались только сувениры, которые и так можно было купить где угодно.

Это вовсе не означало что он — Такэсита Хиротакэ — купил Дзюникай целиком. Громоотвод, который раньше был на верхушке, демонтировали — он заменил его длинным стержнем втрое большей длины, а подвал, который до этого был всего лишь складом, взял себе в бессрочную аренду.

Каким бы унылым оно ни казалось, в Асакусе, да и во всем Токио едва ли было второе столь же высокое здание. Именно поэтому Такэсита и выбрал это место, и его не волновало насколько просторным был подвал.

Дзюникай стоял в двух шагах от оперного театра и кино в районе Шестиуличья, а ниже был небольшой магазинчик мейсю-я, якобы торгующий хорошим сакэ.

Но основной доход подобные заведения получали вовсе не от продажи выпивки. В таких значных местах женщину можно было купить дешевле, чем в Ёсивара. Уважающие себя люди обходили их стороной.

Однако находились и такие, кого влекло в эти грешные логова. Среди них встречались люди, мечтавшие стать романистами, как Мори Огай и Нацумэ Сосэки, или коммунисты и идеологи, лелеющие своё недовольство состоянием общества после Реставрации Мэйдзи, и им подобные.

Обычно Такэсита проходил мимо, даже не подняв глаз, но сейчас эйфория от грядущих планов каким-то чудом привела его в переулок, вдоль которого стояли мейсю-я. Воздух наполнился ароматом дешевого макияжа, смешанного с развратом, характерным только для этого места.

В проститутках, которые зазывали его через решетку, не было ничего привлекательного. Однако, заметив кое-что краем глаза, он обернулся. Дело было вовсе не в женщине, вцепившейся пальцами в решетку. Позади неё, в углу, на тусклом грязном полу сидела девочка.

Возможно, её только недавно продали сюда, и, уж коли ей пока рано обслуживать «клиентов», она была вынуждена заниматься черновым трудом. Не то чтобы Такэсита испытывал к ней какую-то жалость. Но выражение её лица с опустошённым взглядом, направленным в темноту, не выходило из головы.

Полмесяца спустя, когда машины наконец начали делать своё дело, Такэсита продолжал безвылазно сидеть в подвале, почти не выбираясь на улицу. Однако, он был не таким же мрачным как прежде. С ним теперь жила девочка по имени Эйн.

Ууу—ууу—ууу—ууу

Из подвала постоянно доносился гул, низкий, словно звон в ушах. В районе кладбища Янака это наверняка бы вызвало чье-нибудь недовольство, но в Дзюникай не было никого, кто бы обращал на него внимание.

Ууу—ууу—ууу—ууу

Источником шума был электрогенератор, располагавшийся ниже помещения, где находились Такэсита с девочкой. Большую часть времени Такэсита проводил в подвале, посреди бесчисленного множества собственноручно собранных машин.

Вокруг него были большие стеклянные сосуды, словно фонари на рыбацкой лодке, в которых, как в калейдоскопе, проплывали неясные картинки и слова. Изобретателем этих ламп-сосудов был англичанин по фамилии Браун. Мужчина пристально смотрел на проплывавшие внутри ламп изображения и буквы.

— Тебе это вообще надоедает? — не выдержав, наконец сказала девочка спустя нескольких часов.

— Если тебе скучно, почему бы не пойти на улицу? Только не грозись побить кого-нибудь током как в прошлый раз.

— Эйн такого не делает!

С виду ей было не больше двенадцати, но выражение лица выглядело более взрослым. На её голове, что полагалось больше западным девочкам, была завязана бантом широкая лента, походившая на кошачьи уши.

— Точно, вспомнила. Сегодня в Мита будет лекция того профессора из Германии.

— Правда, это сегодня?

— Ты разве не собирался пойти?

— Угум...

Крупное событие такого рода не могло быть не на слуху. Профессор Эйнштейн — немецкий учёный, получивший в прошлом году Нобелевскую премию по физике — был приглашен в Японию главой издательской компании Кайзо-ся, выпускавшей одноимённый журнал «Кайзо».

— Давай сходим на лекцию. Заодно увидишь профессора, расскажешь ему, что благодаря теории относительности можешь видеть будущее через катодно-лучевую трубку.

— Дело не в одной лишь теории относительности.

Хоть Такэсита и построил машину самостоятельно, на её разработку оказал огромное влияние Никола Тесла, у которого он учился в Соединённых Штатах.

Проводивший большую часть времени в подвале, всматриваясь в призрачный свет катодно-лучевой трубки, Такэсита иногда всё же покидал своё логово и выезжал в Кабуто-тё, откуда возвращался с большой суммой в кармане.

Он занимался в Дзюникай чем хотел именно потому, что имел с этого достаточно денег. Но даже если Такэсита и говорил, что с помощью своей машины способен видеть будущее, предсказать, что будет делать Эйн, он не мог.

Исчерпав всякую благосклонность к этому тотальному затворнику, девочка ушла в маленькую комнату с низким потолком, которую считала своей.

Посреди комнаты стояла груда шестерней, шкивов и проводов, высотой больше самой её создательницы, усевшейся на полу. Начав работать над этим, Эйн увлекалась настолько, что забывала готовить ужин. Но Такэсита больше расстраивался от того, что понятия не имеет, что же она собирает.

ГЛАВА

2

АРИСТОКРАТ ИЗ СУРУГАДАЙ

Одетый вместо военной формы в обычную гражданскую одежду, младший лейтенант Эноки прибыл в Асакусу ранним утром. Нынче служивые люди вызывали всё меньше и меньше уважения на улицах — до такой степени, что те, кто по глупости открыто носил военные мечи, не могли даже сесть на трамвай.

«Это всё из-за бесполезной Сибирской военной экспедиции, пустая трата денег налогоплательщиков» — так он думал про себя, будучи не в том положении, какое позволяло бы произносить подобные вещи вслух.

Все эти призывы к демилитаризации наводили младшего лейтенанта на раздумья о том, как долго ещё протянет его Армейский научно-исследовательский институт. Он приехал в Асакусу из Синдзюку-Тояма вовсе не для того, чтобы развлекаться с местными барышнями в окрестностях Дзюникай. По приказу начальства лейтенант вёл расследование на предмет мощных радиоволн, исходивших из этого района.

Радиостанций в Токио ещё не было в помине¹, и если говорить про оборудование, способное излучать что-либо, то оно стояло в двух местах — коммуникационной лаборатории Министерства связи и транспорта в Дайба, или чуть дальше, на радиотелеграфной станции в Тёси. Всё это принадлежало военно-морскому флоту и потребляло массу энергии, которую добывали на гигантских турбинах. Таких объектов не могло быть в Асакусе.

Рёункаку, он же Дзюникай, по высоте даже близко не был похож на радиовышку². Лейтенант Эноки поднимался на него, когда приезжал в Токио из Фукусимы незадолго до призыва в армию. Он знал, что внутри Рёункаку нет ничего, кроме тускло освещённой лестницы, увешанной плакатами по стенам, и магазина с сувенирами бог знает откуда. Тем не менее он решил ещё раз сходить и убедиться, что ничего не упустил.

Подойдя к Дзюникай, Эноки увидел, как кто-то выходит из здания, несмотря на то, что с утра обычно оно не полнилось посетителями. Это был мужчина лет тридцати с мрачноватым выражением лица и девочка где-то вдвое младше его.

¹ Радиостанция NHK Radio 1 начала вещание в Токио 22 марта 1925 года.

² Радиотелеграфные станции использовали огромные антенны с емкостной нагрузкой, состоящие из горизонтальных проводов, натянутых между несколькими стальными башнями выше сотни метров для повышения эффективности. Высота Дзюникай 220 футов (52 метра без учета шпиля и 67 метров по самый шпиль).

Приводить в наше время детей в этот район?

Возмущённый мыслями о том, зачем тащить ребёнка именно сюда, да ещё в такую рань, он заметил, что за вышедшей парой наблюдал ещё кое-кто: недружелюбного вида мужчина в английском охотничьем берете, натянутым до самых бровей, шёл следом за ними.

Неужто он из военной полиции, которая выслеживает русских шпионов?

Младший лейтенант вдруг заинтересовался почему за этим человеком следят. Эноки решил что это, должно быть, Такэсита. Судя по донесениям, он вёл подозрительную деятельность в Дзюникай. Сев на трамвай, Такэсита с девочкой приехали в район Суругадай. Военный полицейский в берете к тому моменту уже растворился в воздухе.

Куда, черт возьми, направляются эти двое?

Такэсита и девочка прошли через ворота большого особняка. Эноки был более чем удивлён, когда прочёл надпись на табличке.

* * *

Главная резиденция виконта Фуэнокодзи Кимиясу была в Сан-бантё, но большую часть времени он проводил в своём отдельном доме, который располагался в Канда Суругадай.

Построенный недавно дом был обставлен в западном стиле. Вошедший в него словно бы переносился в фешенебельный Нью-Йоркский отель. Вместе с виконтом здесь жила барышня русских кровей — Варвара Андреева. Похоже, что интерьер дома был оформлен в таком виде именно из-за неё.

— Эй, у той женщины кожа ужасно бледная, как у мертвеца!

Такэсита нахмурился в ответ на столь дерзкое замечание.

— Перестань глазеть, Эйн.

— Но...

Виконт Фуэнокодзи весело рассмеялся.

— Это русская дама, которая бежала сюда из Харбина.

Варвара, сидевшая на диване в дальней части комнаты, встала, будто догадавшись, что разговор идет о ней, хотя казалось, что она не очень хорошо понимала японский. Не глядя на неё виконт Фуэнокодзи холодно произнес:

— Варя, станцуешь?

— Сейчас?

Смущённая столь внезапной просьбой, Варвара покраснела, как обожжённая глина. Застыв на месте, она повесила голову, как если бы виконт смотрел прямо на неё, хотя она была вне поля его зрения. Виконт любил ломать самооценку этой особы, и её смирение с этим позволяло жить дальше как аристократке, даже здесь, в чужой стране.

— Похоже, там убили много дворян и солдат — не выдержав гнетущей атмосферы, Такэсита сменил тему.

— Я слышал, что её мужа тоже казнили, и взял на себя заботу об этой барышне, потому что она сказала, что может танцевать балет.

Ранее всемирно известная балерина Анна Павлова приезжала в Японию, её выступление прошло с аншлагом.

— Прежде у меня к вам будет одна просьба... — слегка неохотно сказал Такэсита.

— Какая же?

— Я стал замечать что за мной следят полицейские, или, может быть, даже военная полиция ходит за мной по пятам.

— Хорошо, я всё выясню. Если это в моих силах — слежку уберут.

— Благодарю вас.

— Что ж, тогда перейдём к сегодняшней теме. Хотя правильнее было бы сказать «к завтрашней». Ха-ха-ха-ха!

— Такаси Хара будет убит. Чуть позже, 4 ноября, на вокзале Токио.

Услышав это, виконт Фуэнокодзи сощурил глаза, отчего его взгляд стал жёстким.

— Виновником будет Рёити Накаока, железнодорожный стрелочник, внук Синтаро Накаоки.

«Будущее», о котором говорил Такэсита, случилось в коротком промежутке времени. Раскрывая небольшую часть того, что наблюдал через машину в подвале Дзюникай, он добился расположения виконта. Пока мужчины беседовали, Эйн чуть не померла со скуки.

Послушав своего гостя с полчаса, виконт утомился, вручил тому очередную сумму денег и вышел из комнаты. Уходя Такэсита сказал на прощанье пару слов по-английски Варё, стоявшей в углу. Лицо русской барышни впервые за всё время визита засияло, словно она из бледного мертвеца превратилась в живого человека. Увидев это Эйн разозлилась, сама не зная почему.

Вместо того, чтобы сразу вернуться в Асакусу, Такэсита доехал с Эйн до Гиндзы. Оттуда можно было добраться назад через подземку³, так было удобнее. Когда они шли по кирпичному тротуару, окутанному поникшими ивовыми ветвями, Такэсита сказал, что они словно в европейском городке, но Эйн даже не думала о том, чтобы побывать за границей, и вместо этого с необычайным интересом оглядывала своё окружение, так отличавшееся от Асакусы.

В такой обстановке Такэсита не мог не вспомнить катастрофу на западном побережье США, случившуюся много лет назад. Сам того не заметив, он помрачнел. Такэсита вдруг понял, что за ними кто-то идёт. Незнакомец не был похож на обычного прохожего, который просто шагает позади, и Такэсита, внезапно для себя, решил его окликнуть.

— Вы часто попадаетесь нам на глаза. Тоже приехали сюда за покупками?

От неожиданности Эноки даже обронил сигарету.

— Кто это такой? — спросила Эйн.

— А... ну... я...

— Вы из тайной полиции, да? Не военный полицейский, не солдат или армейский офицер, но зуб даю что служите — заключил Такэсита.

Младший лейтенант решил не таиться и рассказал, по какой причине вёл наблюдение. Сев в пивной, они оба быстро позабыли об этом неловком моменте и вскоре уже горячо спорили, избрав вместо японского языка какой-то технической тарабарщины.

³ «Деспера» берёт начало где-то в 1921 году или раньше, если судить по нападению на премьер-министра, поэтому даты несколько не сходятся. Первая очередь от вокзала Уэно до станции Асакуса была готова к 30 декабря 1927 г. и подавала общественности как «первая подземка на Востоке». Расстояние между Уэно и Асакуса составляло всего 2,2 км.

Между тем, Эйн, хоть Такэсита и привез её в Гиндзу, по привычке скучала. Опасаясь, что его могут подслушать, Эноки понизил голос и предупредил Такэситу.

— Военные пока ещё не пронюхали, чем именно вы занимаетесь в Дзюникай, но фиксируют мощные радиоволны. Если это расценят как угрозу, могут принять меры.

— Разве вы себя не подставляете, рассказывая мне такие вещи?

— Как учёный, я заинтересован в ваших экспериментах и не хотел бы вмешиваться.

Лейтенант Эноки взглянул на Эйн. «Какая загадочная девочка» — подумал он.

— Вмешиваться? Что вы хотите этим сказать?

ГЛАВА

3

ЭЛЕКТРО-ДЕВОЧКА ПРОТИВ ТАНКОВОГО КОРПУСА

С оглушительным рёвом в парк Уэно направлялись три танка. В отличие от ромбовидных английских, танки Рено, собранные во Франции, были едва больше иен-таку. Однако, несмотря на свой размер, боевые машины с лёгкостью прорезали чащу, сваливая на своём пути бесчисленные деревья и раздавливая под гусеницами мешавшие продвижению палатки.

В конце концов, в этих палатках вели нелегальный бизнес, поэтому, даже если они и были снесены таким насильственным образом, у их владельцев не было оснований для недовольства. Начальник армейской пехотной школы отмахнулся от жалоб жителей Уэно, сказав что ввод танков в город был просто частью учений.

— Это ведь не плац Аояма. Что за ерунду они вытворяют, не так ли? — с возмущением сказал лейтенант Эноки, наблюдая за происходящим издалека.

Услышав недовольный голос лейтенанта, мужчина, стоявший рядом, вздрогнул и обернулся. Как и Эноки, он был в гражданской одежде и ещё носил английский охотничий берет.

— Их направили из кавалерийской роты XX корпуса.

Мужчина в берете сказал это так, словно оценивал младшего лейтенанта Эноки.

— Ха-ха, выходит, какая-то большая шишка думает, что здесь есть нечто опасное?

Мужчина в берете слегка улыбнулся и кивнул в знак согласия.

— Вы из военной полиции, верно? Я Эноки из Исследовательского института Тояма.

— Военная полиция, сержант Яманои.

— Похоже, вы следите за человеком, который живет в Дзюнкай.

Эноки, зная, что он выше по званию, чем Яманои, но на десять лет младше его, продолжал говорить вежливо.

— Должно быть, это тренировка для дальнейшей переброски на континент. Но гонять танки по центру города — это безумие, не находите?

— Они думают, что не смогут совладать с такой мощностью, если не пустить в ход танки.

Эноки склонил голову набок.

— Там же один только Такэсита и ещё та девочка.

— Девочка?

— Разве они не живут вместе?

Теперь уже Яманой озадаченно склонил голову набок.

— Не знаю, я сам не видел.

Эноки хотел ответить: «Она ведь была рядом с ним, когда вы вели слежку» — но Яманой сменил тему.

— Скорее всего, это связано с подозрительными радиоволнами, но в последнее время в подвале Дзюникай появился ходячий механизм. Не знаю как лучше объяснить — там расхаживает что-то человекоподобное, почти два кэна в высоту.

Эноки был ошеломлен. Ещё одно творение Такэситы? В этот миг перед их взором разлился ослепительный свет.

— Это та девочка!

Свет заполнил пространство перед танками, и в самом его центре была Эйн. Эноки смог увидеть её, а Яманои, напротив, не заметил. Когда свет угас, танки начали ездить вокруг сами по себе и стрелять друг в друга из пулеметов. Ситуация становилась до абсурда возмутительной, но Эноки знал, что об этом не напишут в газетах.

* * *

Эйн никогда не выходила на улицу в пасмурную погоду, а когда дождя не было её всегда сопровождал Такэсита. Со стороны могло показаться, что он заботится о ней как о младшей сестре, но на деле ничего подобного не было. У Эйн словно было несколько личностей — иногда она не умолкала ни на минуту, щебетала как птичка, неважно сколько раз Такэсита предупреждал насчёт раздражающего поведения и велел ей замолчать, а порой целыми днями она не произносила ни слова.

Такэсита отошел на достаточное расстояние, чтобы не слышать звуки флейты сякухати на перекрестке. На ней играл один босяк, что был поэтом-дадаистом. Сделав круг по пруду Хётан, Такэсита закурил сигарету и заметил, как перед ним прошли невротичного вида мужчина и его спутник-иностранец.

— Интересно, вышла ли уже «Шестерёнка»?.. — тихо пробормотал Такэсита в спину удаляющемуся невротичному мужчине.

— Вы что-то сказали?

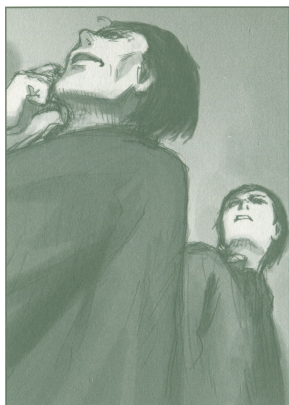
Такэсита удивился от внезапно раздавшегося голоса. Он всё это время стоял у прилавка с почтовыми открытками.

— Нет, так просто, мысли вслух.

— Ах вот оно что. Так вы сегодня без компании, господин?

— А?

— Помнится, не так давно вы приходили сюда с молодой госпожой и купили несколько открыток.

Торговца подводило зрение, он был в темных очках, зато имел хорошую память на людские голоса.

— Это так, у вас хорошая память.

— Та юная барышня — ваша младшая сестра?

— Ну, что-то вроде того...

— Прошу прощения, что задаю подобные вопросы. Просто, голос той девочки... Кажется, я слышал его где-то раньше.

Такэсита не был удивлен.

— Она трудилась в винном магазине неподалеку от Дзюнкай, но я забрал её жить к себе.

— Вот как... И всё же не могу отделаться от одной мысли. Моя дочь говорила, что ту девочку продали проституткам.

— Эйн... она была в Асакусе ещё до того, как начала прислуживать в том заведении. Может, ошивалась на улице как бродяжка.

— Понятно. Теперь, когда вы упомянули, я вспомнил, что как-то ходили слухи о странной девочке.

— «Странной»?

— Поговаривали, что у неё была очень бледная кожа, но не то чтобы она выглядела какой-то нездоровой. Местные бюрократы пытались с ней разобраться. Однако, всякий раз когда кто-то пробовал её поймать — он цепенел как от электричества, поэтому ей вечно удавалось удрать.

— Электричество, значит...

— Да, а ещё я слышал, что однажды ей дали нянчить ребёнка проститутки — его потом нашли задохнувшимся. Такие вот странные дела.

Такэсита погряз в раздумьях.

— Голос юной барышни напомнил мне ту девочку, но, может, мне просто показалось. Если я ошибся, прошу меня простить.

— Что же... я, пожалуй, пойду.

Всё ещё погружённый в мысли, Такэсита зашагал по дороге к Дзюникай. С перекрестка больше не доносились звуки сякухати. Видимо, тот дадаист уже сидел за выпивкой в каком-нибудь идзакая. Вернувшись в подвал, Такэсита заметил, что Эйн нигде не было. Он уверял себя, что она просто куда-то вышла и скоро вернётся, но в реальности всё было совсем иначе.

* * *

С исчезновения Эйн прошло три месяца. По мере приближения «того дня» Такэсита потерял покой, стал вести себя бездумно и говорить то, что не позволял себе раньше.

Он встретился в виконтом Фуэнокодзи и предупредил, чтобы тот не находился в Токио в назначенную дату, и то же самое сказал лейтенанту Эноки, но, когда в ответ получил совет не болтать лишнего, наконец понял, что никто его не послушает.

«Скоро всё сгорит! Все дома рухнут и люди станут жестоко убивать невинных как дикие звери! Ва-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха! Замечательно!» — выдавал Такэсита наряду с другими пугающими вещами. Он думал, что Эйн, должно быть, больше не хотела оставаться рядом с таким человеком.

Он смирился с тем, что её больше нет, словно это было нечто само собой разумеющееся. Со временем он привыкнет к такой жизни, как с самого начала, когда Эйн и не было рядом, — вот о чём он пытался думать. Но всё это был не более чем самообман. Эйн пропала. Такэсита тяжело переживал это, как если бы часть его собственного тела и души взяла и исчезла.

Где я впервые встретил Эйн? Это было у витрины винного магазина? Нет, это должно быть было посреди холма Дангозака.

«А ведь с тех пор я так и не поднимался на тот холм...» — размышлял он, шахаясь прочь от яркого света во мрак кинотеатров Шестиуличья. В эти дни «перагоро» поутихли, оперу посещало всё меньше людей и общество переключило свои интересы на кинематограф.

В то время один известный писатель основал собственную кинопроизводственную компанию и написал сценарий к фильму, который сам же и снял, однако для него это было не более чем хобби. Такэсите, обычно сидевшему в темноте подвала, разглядывая мутные изображения в лучевых трубках, сложно было не попасть под впечатление чёткой картинки зарубежных пейзажей и актёрской игры, благодаря вечно совершенствовавшемуся кинооборудованию.

Наверное, было бы здорово, если бы Эйн сходила со мной в кино.

Когда он вспоминал об этом, даже в темноте своей комнаты было трудно сосредоточиться на фильмах, выходявших на экраны. Такэсита казалось что он словно во сне. Даже несмотря на то, что в последнее время женские роли в японском кино играли уже не оннагата, по сравнению с западным кинематографом явно не хватало актрис, которые подходили бы для съёмок крупным планом, поэтому он обычно не смотрел картины, снятые на родине. Но, каким-то образом, сейчас его занесло в кинотеатр, где шёл именно японский фильм.

Меж тем, мрачные пейзажи на серебряном экране смотрелись совсем не по-японски. В этой картине под названием «Кровь и дух», снятой новым режиссёром компании «Никкацу», Кэндзи Мидзогути, искривлённые формы стен и дверей создавали странные, безумные иллюзии и перспективы, а белый грим на лицах актёров придавал им сходство с привидениями.

Такэсита показалось, что вместо подражательства популярному экспрессионистскому «Кабинету Доктора Калигари» этот фильм пытается рассказать более оригинальную историю, сохраняя похожим только стиль повествования. Несомненно, это была амбициозная картина. Но, когда он смотрел на серебряный экран, сюжет в его голове уже успел раствориться, и всё, что Такэсита мог видеть перед собой, — это искажение внутреннего и внешнего пейзажей.

Это и есть истинный ландшафт.

«Мир по своей природе так же искажён, как и фильм на экране» — думал Такэсита, пребывая в затуманенном сознании.

— Эйн!

Не слишком громко, но он всё же называл её имя.

Эйн была там, на экране.

Позади играющих актеров, совершенно отстранённая, стояла именно она и грустно глядела в его сторону — нет — прямо на него. Несмотря на замешательство, Такэсита сильно захотелось попасть в то место, что показывалось в фильме. Он встал, нетвёрдой походкой пошел к экрану, схватил рассказчика за руку, и тут его воспоминания внезапно оборвались. Когда он очнулся от опьянения, Эйн была рядом с ним.

— Ты... иллюзия?

Эйн смотрела на него. Казалось, что она вот-вот расплчется.

— Куда ты пропадала, Эйн?

— Никуда, Эйн всегда была рядом с тобой.

ГЛАВА

4

АНАРХИСТ И ДЬЯВОЛ

Если подняться на Дангозаку, а затем продолжить путь до Хакусана, вы бы нашли магазин, торгующий на первом этаже новыми и подержанными книгами, а на втором обнаружили бы кафе. Хотя там подавали довольно стандартную западную кухню, этот магазин в какой-то момент стал местом, где собирались идеологи анархо-большевистского вопроса и поэты-дадаисты — они пили, поднимали шум и дрались с утра до ночи. По этой причине представители местной интеллигенции из Харамати, первоначально посещавшие магазин, перестали любить это место и, в конце концов, вообще в него ходить.

Второй этаж помимо кафе вмещал комнату хозяина и его офис и был известен как «Санкаку Никай» («Треугольник»). Говорят, тамошние сотрудники начали носить русские рубашки ещё до того, как эту тенденцию подхватили в Накамурая из Синдзюку.

Официанткам полагалось носить фартук поверх кимоно, и поначалу их отбирали из актрис, выступавших на сцене, но сейчас такой практики уже не было.

У девушки, что трудилась здесь нынче, была загорелая кожа и яркие черты лица, как у людей с юга, — она придавала общей атмосфере долю таинственности, когда что-то шептала на ухо молодому официанту в русской рубашке. Граммофон уже в который раз играл «Фра Дьяволо».

— Я уже устала от этой песни.

— Сделай так, чтобы она перестала попадать тебе в уши.

— Я так не умею.

— Нет, тебе это по силам, Эйн.

— Всё, ничего не знаю! — сказала Эйн и отвернулась. В этой бесполезной и безосновательной идее Такэситы не чувствовалось ни капли заботы.

— Почему мы вечно едем в обход на трамвае, чтобы добраться сюда? — спросила она.

Из Асакусы до «Треугольника» можно было добраться быстрее, если идти через Дангозаку. Люди постарше, в силу возраста и слабости ног, садились на трамвай, курсирующий вокруг Императорского университета, но Такэсита, напротив, был здоров и вполне вынослив.

— И правда, почему. Кто знает...

Он хотел было пропустить это всё мимо ушей, но вопрос Эйн заставил его задуматься, почему же он не ходит сюда пешком. Сразу в ответ на ум ничего не приходило. Такэсита тем временем не отрывал взгляд от коренастого мужчины, сидевшего за книгой у окна.

— Который час? — спросил Такэсита у Эйн, не глядя на неё.

— Не знаю, Эйн не носит часы — ответила она, уставившись на часы, висевшие на стене.

Затем послышался довольно громкий топот, и наверх поднялся худощавый человек с волевыми широкими глазами. Эйн поняла что Такэсита ждал именно его.

— Осуги! — гаркнул коренастый, что сидел у окна.

Осуги выглядел немного встревоженным, но, заметив окликнувшего его коренастого мужчину, тут же слегка улыбнулся и присел с ним за один стол. Он даже не обернулся в сторону Эйн и Такэситы, который продолжал с трепетом на него глазеть.

— Давно не виделись, Миядзима.

— Да.

Осуги заказал вина у официантки, молча стоявшей рядом.

— Не ожидал, что ты будешь здесь выпивать, — удивился Миядзима.

Осуги вечно был сюрпризом. После любовного треугольника, нет, даже четырехугольника, с Ноэ Ито, когда он получил ножевые ранения от рук Итико Камитики и это произвело сенсацию, близкий друг Осуги — Сукео Миядзима — решил отдалиться от него и заняться собственной анархистской литературой.

— Алкоголь — яд, надо бы и закусить, говядины хоть закажи.
— Нет, всё нормально, спасибо. Мне всё равно скоро уезжать отсюда.

Миядзима почуял в словах Осуги некую решимость. Заметив это, Осуги улыбнулся.

— Ну, не так далеко. Я просто ненадолго зайду домой к Арисиме-сенсею. Как видишь, мне надо одолжить у него денег.

Миядзима только фыркнул в ответ. Осуги одним глотком осушил бокал красного вина и положил на стол деньги, попросив Миядзиму расплатиться за него.

— Осуги, ты давай, держись — сказал Миядзима напоследок.

Слегка улыбнувшись и коротко кивнув в ответ, Осуги громко утопал вниз по лестнице.

— Что с тобой? — спросила Эйн, заметив, что Такэсита сильно напрягся.

Резко встав и бросив деньги на стол, Такэсита кинулся вслед за Осуги. Одетый в пальто инвернесс, тот уже дошел до трамвайной остановки Хакусан, когда Такэсита его окликнул.

— Осуги-сан.

Осуги обернулся и с настороженностью посмотрел на Такэситу.

— Вы планируете занять денег у Такео Арисимы-сенсея и отправиться в Берлин?

Осуги наградил Такэситу презрительным взглядом.

— Вы из тайной полиции, да?

— Неважно кто я. Пожалуйста, выслушайте меня. Вы сможете добраться до Парижа через Шанхай, но не пересечёте государственную границу. Вас отправят обратно в Японию до того, как вы посетите Международный конгресс анархистов.

Эйн заметила, что Такэситу бьёт мелкая дрожь, и сама начала дрожать словно от испуга.

— Что же, вы провели отличное расследование, поздравляю. Но куда и как я поеду — решать лишь мне самому.

— Вы не понимаете, Осуги-сан! Если приедете обратно в Японию, то не только вы — Ноэ Ито-сан и другие лишатся своих жизней! Поэтому вам ни за что нельзя возвращаться!

Осуги поначалу счёл Такэситу провластной пешкой, но после этих слов смягчился.

— Вижу, вы действительно волнуетесь обо мне. Но ваши беспокойства излишни.

Осуги опустил глаза, словно задумавшись. Вскоре он занял место в прибывшем на остановку трамвае и уехал.

Такэсита какое-то время стоял неподвижно. Он понимал. Понимал что словам незнакомца, видевшего будущее, Осуги просто не придаст значения. Но он не мог не попытаться и не предупредить его.

Слёзы отчаяния катились по его щекам, когда он стоял на обочине — Эйн ничего не могла поделать и лишь с грустью смотрела на землю, в которую падали эти слёзы.

Казалось, она задремала совсем ненадолго, но, проснувшись и оглядевшись, Эйн поняла, что Такэситы нигде нет. Его машина продолжала тихо гудеть во время работы, и лучевая трубка показывала новости о грядущей катастрофе. Обычно она упрекала его за безразличие, на сей раз Эйн охватила непреодолимая тревога. Она была совершенно напугана — ей казалось, что Такэсита полностью исчез из этого мира. Не в силах успокоиться, Эйн вышла из подвала и побежала вверх по лестнице на улицу.

Эй, где... где ты? Если ты исчезнешь, то и Эйн тоже исчезнет.

Сердце больно сжалось в груди. Даже обойдя весь парк Асакуса, Эйн нигде не могла его отыскать. В отчаянии она посмотрела на небо и заметила людей на смотровой площадке Дзюникай. Один из них, без сомнения, был Такэсита, но рядом с ним стоял ещё кто-то пониже ростом. Сердце Эйн успокоилось, и она помчалась вверх по винтовой лестнице Дзюникай, перескакивая по две ступеньки чтобы отомстить, напугав Такэситу, тихо подкравшись сзади.

Смотровая площадка в силу ветхости была закрыта для посетителей из соображений безопасности, но у двери был плохой замок, что позволяло знающим людям пользоваться ею. Подойдя ближе, Эйн услышала их разговор. Она думала, что рядом с Такэситой был мужчина, но весьма удивилась, когда увидела миниатюрной фигуры девушку.

— Тайная полиция, военная полиция и даже чиновники из армейской военной академии Тоцука преследуют меня. Неудивительно, что я вас подозреваю.

— Да, с этим ничего не поделаешь. Но, похоже, мое предположение всё-таки было верным.

— И всё же, чем вы так заинтересовались? Вы вроде говорили, что работаете газетным репортёром, госпожа...

— Игараси, Маюми Игараси. В прошлом году во время краха фармацевтической компании Хосияма я слышала, что был только один человек, который вовремя продал акции, чтобы получить прибыль.

Подкравшись ещё немного, Эйн смогла разглядеть молодую репортёршу. Со стрижкой боб-каре она была похожа на девочку-подростка, но в то же время на ней был мужской костюм — это было необычное зрелище. Её выразительные красные губы двигались в какой-то странной и соблазнительной манере — Эйн не могла понять, был ли это естественный оттенок, или женщина их накрасила. Чувствуя, что видит то, чего ей не положено, Эйн спряталась за дверью.

— Ходят слухи что вы навещаетесь к виконту Фуэнокодзи, и он платит вам деньги за то что вы беседуете с ним о чем-то, например насчёт Восточно-Азиатского конгломерата и других вещей.

— Нет, это был не я. Это был Кита-сан.

— Кита? Господин Икки Кита? Создатель Общего плана реорганизации Японии?

— Я ни о чем важном не говорил.

— Но вы можете видеть будущее, я права?

— Так или иначе, это беспочвенные слухи. Я не провидец, если вы об этом.

— Возможно, у вас нет сверхъестественной силы, но есть способ узнать будущие события. По меньшей мере, так думает виконт.

— Причуды богатеев.

— Если бы речь шла только о спекуляциях на бирже, меня бы это не интересовало. Но недавно вы начали говорить о небывалых вещах. Например, что Токио скоро станет местом крупной катастрофы.

Такэсита промолчал.

— Несколько лет назад секта Оомото сделала похожее предсказание. Секту подавили. Вы беспокоитесь о том, что вас могут арестовать?

— Я не ставлю своей целью какую-то пропаганду, но, если бы меня схватили, это само по себе не было бы так важно. Меня пугает не столько землетрясение, сколько то что будет после.

— После?

— Десять с чем-то лет назад я был в Америке. Примерно в то время, когда я собирался вернуться в Японию, в Сан-Франциско произошло сильное землетрясение. Многие здания, построенные лучше, чем здесь, в Токио, были легко разрушены. Страшными были и пожары, распространившиеся впоследствии. Но после этого самым ужасным было то, что происходило в сердцах людей. В газетах распространялись беспочвенные слухи, и мэр приказал военным и полиции немедленно казнить мародёров. Это была правда, мародёры свирепствовали, но солдаты так же грабили бары и тому подобное. Даже если не было никаких доказательств, если бы мэр объявил кого-то мародёром, его ждал расстрел без суда и следствия.

— И вы утверждаете, что тоже самое произойдет и здесь?

— Хуже...

Услышав это, Эйн наконец поняла, что всё это время испытывал Такэсита. Его устройство показывало будущее, и это будущее обрывалось на грядущей катастрофе в Токио. Эйн понимала, что мысли Такэситы были сконцентрированы только на этом. Но Такэсита никогда не говорил с Эйн о том, что у него на сердце, и вместо этого изливал душу репортёрше. Эйн тяжело было это принять. Она сидела за дверью и с грустным лицом смотрела вниз. К ней подошел бродячий черный котёнок и потерся об лоб.

«Наверное, ему тоже одиноко» — подумала Эйн, погладив котёнка.

Игараси затянула сигарету и глубоко выдохнула.

— Мне тоже есть что вам сказать.

— Что же?

— Вам угрожают не только военная и тайная полиция.

— О чем это вы?

— Есть люди, что стоят намного выше военных. Вы помните, как недавно в новостях появлялся этот «император Кумадзава»?

— Тот человек из Тохоку, который утверждал, что является потомком Южной династии? Думаю, ему никто не поверил. Только не говорите мне, что это правда.

Маюми прыснула, но тут же вернула серьёзное лицо.

— Крайне маловероятно, что этот старик будет признан законным потомком Южной династии. Но вещи, о которых он говорил, для многих стали чем-то вроде откровения.

Когда Такэсита понял, о чем речь, по его спине пробежал холодок.

— Вы имеете в виду тех, кто считает, что Япония сегодня не такая, какой должна быть, и что нужна диктатура для подготовки к войне?

— Старик так и не смог доказать, что он тот, за кого себя выдаёт. Тем не менее нашлись сочувствующие ему люди, сидящие на важных должностях.

— ...

— Если есть кто-то, кто умеет видеть будущее..

С мрачным предчувствием Такэсита посмотрел вниз, к основанию башни.

— Берегите себя, Такэсита-сан.

Маюми затоптала сигарету и стала спускаться вниз. Услышав её удаляющиеся шаги, Эйн подошла к Такэсите с черным котёнком на руках. Ей хотелось что-нибудь сказать, но она только смотрела на лицо Такэситы, на котором отражалось отчаяние.

* * *

В парке Асакуса, как обычно, зрелищные домики трещали от галдежа. Лысый коренастый человек ходил среди толпы и внимательно слушал, как зазывают посетителей, но сам при этом никуда не заходил. Такэсита наблюдал за ним издалека. Он знал, что этот человек однажды напишет детективный роман и что он будет скучать по Асакусе больше, чем кто-либо другой.

— Эй ты. Тайная полиция идет за тобой из Шестиуличья.

Внезапно рядом с Такэситой раздался суровый голос. Он обернулся и удивился ещё больше, когда узнал, кто его окликнул.

— Думал, они говорили обо мне, но, похоже, что идут за тобой. Незавидное положение у нас обоих, а? Пожалуйста, будь осторожен.

Сказав это, мужчина, окликнувший Такэситу, растворился в толпе. Этот стиль одежды, искусственный стеклянный глаз под повязкой, холод в голосе — сомнений быть не может. Такэсита сперва задумался, но потом пошел за ним. Когда мужчина нырнул на улицу с прилавками, Такэсита испугался, что потерял его из виду, но, как ни странно, тот остановился на минуту, словно ждал Такэситу.

- Продолжай идти, и не смотри в мою сторону.
- Вы господин Кита, верно?

Икки Кита немного замедлился и начал говорить, шагая чуть впереди.

— Почему тебя преследует тайная полиция? Ты не похож на социалиста... а, ясно, ты тот, кто болтает предсказания о землетрясении в Токио?

Кита, похоже, знал о Такэсите.

— Если речь о землетрясении, о котором уже говорили сектанты Оомото, то ты тайная знаменитость в Кабуто-тё. Ведь ты делаешь предсказания, не будучи ни оракулом синтоизма, ни буддизма.

— Вы хорошо осведомлены.

— Сильные землетрясения происходят тут каждые несколько десятилетий. Неудивительно что цикл скоро должен был повториться. Даже живущие здесь должны иметь некоторое предчувствие такого события.

— Должно же быть что-то, что можно сделать. Поэтому я..

- «Сизифов труд», как говорят.
- Умрут люди. Не только во время катастрофы — многие будут зверски убиты после неё.
- Естественно, такие вещи будут происходить. Иные могут даже назвать это благоприятным исходом.

Такэсита был в ужасе от безэмоциональности в словах Киты.

- Кто же захочет, чтобы такое случилось?
- Ты разве мало слышал в последнее время? «Ах, всё так надоело. Ах, больше ничего не выгодно. Разве мы не можем снова пойти воевать?». Таких людей много.
- Это не более, чем дурацкие мечты тех, кто считает, будто войну нельзя проиграть.
- Так и есть. Богатые богатеют, бедные беднеют. Или хочешь стереть с лица земли всех, кто думает, что было бы неплохо сжечь всё дотла и начать с начала, как при Реставрации Мэйдзи?

Горькая ирония в словах Киты заставила Такэситу тихонько хихикнуть себе под нос.

- Чего? Я сказал что-то смешное?
- Нет, просто прозвучало так, словно вы симпатизируете революционерам.
- Может быть и так. Помимо широкой общественности есть также чиновники и военные, которые недовольны текущей ситуацией и планируют использовать предстоящее землетрясение как возможность повернуть именно *это*.

Такэсита нахмурился.

Значит, это правда — они уже подготовились.

— Предсказание, данное последователями Оомото, было чрезмерно расплывчатым относительно времени. Те, кто хотел строить на нем планы, не могли на такое положиться. У тебя, с другой стороны, кажется, точная информация. Твои дни на свободе скоро могут быть сочтены.

— Кита-сан, вы тоже... слышали пророчества, которые боги передали вашей жене?

— Выходит, тебе и об этом известно... К сожалению, никакой конкретной даты или времени землетрясения она не получила.

Такэсита до сих пор никому не говорил про дату или время, но, похоже, Кита уже понял, что Такэсита знает и то и другое.

— Через пятнадцать дней после землетрясения анархисты Сакаэ Осуги и Ноэ Ито будут арестованы и казнены. Вину свалют на некоего майора военной полиции.

Кита не нашёлся, что ответить, и продолжал слушать.

— Арестуют массу других анархистов и социалистов, а отряды линчевателей будут отслеживать иностранцев на улицах. И вы сами, Кита-сан, совершите налёт на похороны Осуги, чтобы выкрасть его прах.

— Довольно.

Кита немного побледнел и сжал руки, но Такэсита продолжал.

— Эпоха Тайсё закончится сразу после землетрясения с приходом эпохи Сёва. Молодые офицеры армии, наконец, восстанут и нацелятся на военную революцию, но вы..

— Остановись, прошу тебя!

Кита уставился на Такэситу своими холодными глазами — глазами, как у самого Дьявола.

— Если я узнаю, что именно случится, — стану как ты, смогу лишь наблюдать с отчаянием.

— Простите. Я наговорил лишнего.

— Не думаю, что мы встретимся снова. Если Осуги вернется в Японию — скажи ему держаться подальше от Токио.

— Я уже говорил. Он меня не послушал.

— Вот как, ясно. Это вполне естественно... Но, прежде чем думать о других, нужно позаботиться о себе.

— Да...

— Им уже известно, что ты арендовал место в Дзюникай и что там есть некое устройство. Если ты используешь его, чтобы видеть будущее, они обязательно попытаются украсть его для своих целей.

Такэситу охватило сильное беспокойство. В конце концов, Кита, возможно, был наделен какой-то странной силой интуиции. Поспешно откланявшись, он побежал к Рёункаку. Его волновали не машины, их можно было восстановить. Но Эйн...

Как он и опасался, подвал Дзюникай был изрядно разграблен. Катодно-лучевые трубки и клавиатуру вынесли, но основная часть оборудования всё ещё находилась под полом. Сердце не успокаивалось. Он заглянул в соседнюю комнату и увидел, что рядом с совершенно непонятной машиной, свернувшись в клубок, на полу лежала Эйн.

— Эйн...

Никто её пальцем не тронул. Эйн спала. Она улыбалась, словно видит сладкий сон. Такэсита глубоко вздохнул, сел рядом с ней и нежно погладил её по волосам.

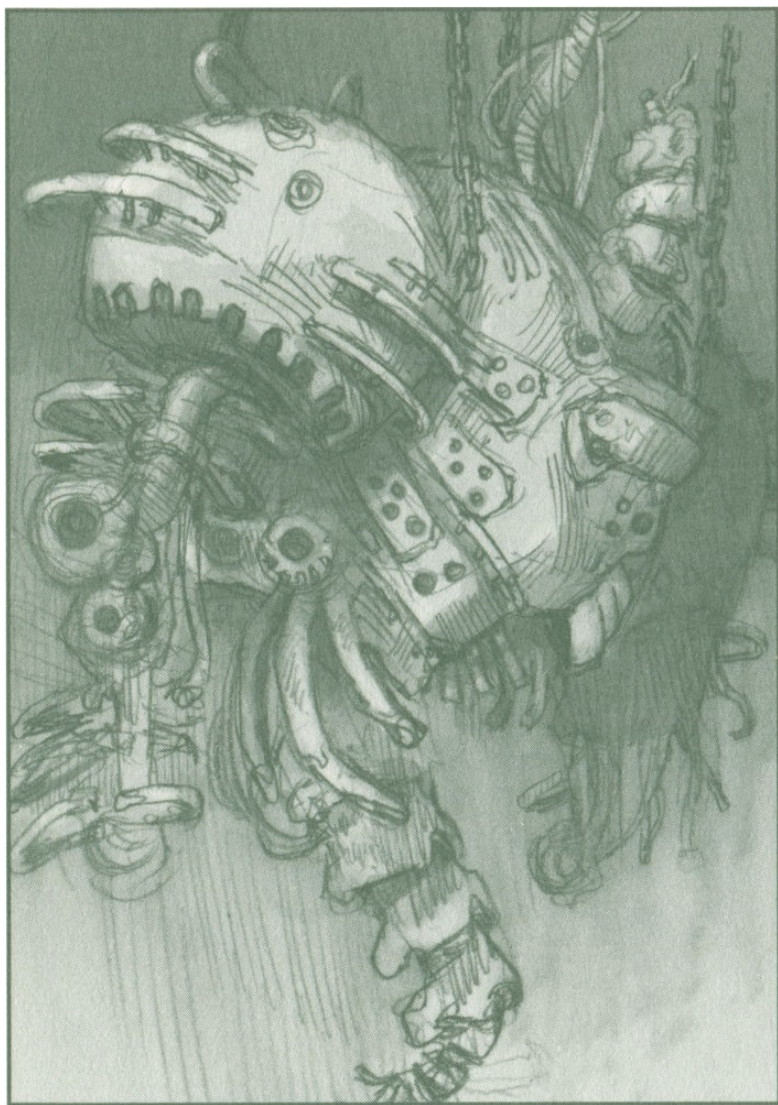
ГЛАВА

5

ПОЛЁТ ЭЙН

Грохот двигателя, работавшего под носом у Эйн, был таким ужасным, что ей хотелось зажмуриться и заткнуть уши. Но если бы она себя не пересилила, то вовсе бы и не села в самолёт. Вцепившись в большое кресло, она смотрела в небо и отчаянно сопротивлялась ветру, дувшему ей в щёки.

Этот немецкий Таубе производил совершенно иное впечатление, нежели французские или американские самолеты, походившие на птичьи клетки. Он был как новогодний воздушный змей, только куда здоровее и с двигателем, способным поднять в воздух двух человек. При осаде Циндао он стал неприятным сюрпризом для имевшихся у японского флота Farman MF.7.

Военные спешно конфисковали гражданские Таубе, но немцы сдались, прежде чем их успели пустить в ход. Самолет, на котором летела Эйн, был одним из таких.

За штурвалом сидела Токуко Инбэ. Вдохновлённая Кэтрин Стинсон, она почти бросила учебу в лётной школе в Татикаве из-за отсутствия денег, но один дворянин предоставил ей возможность воплотить свою мечту в жизнь и стать авиатором.

Время от времени Инбэ окликала то ли её, то ли самолет — за шумом двигателя Эйн не могла ничего разобрать. Хотя она и получала желаемое, летая по небу, но сидеть вот так, вцепившись в кресло, было сродни пытке.

В подвале Дзюникай Эйн строила огромную машину, которую назвала «Отец». Она уже давно его собирала и почти закончила, но «Отец» всё равно оставался странной штукой с торчащими электрическими механизмами и паровыми трубками. Трудно было сказать, для чего он предназначался.

— Эйн.

Эйн с удивлением обернулась. Обычно Такэсита с ней не разговаривал — было редкостью услышать что-то из его уст.

— Чего?

— Хочешь съездить куда-нибудь?

— Мы куда-то едем?

— Нет, я говорю о том, где бы ты сама хотела побывать. Не обязательно в Токио. Может, в Тохоку, например, или вообще за границей.

Эйн задумалась. Она в мыслях себе никогда не представляла, что находится в другом месте, нежели здесь.

- Если Эйн попросит, ты отвезешь её туда, куда она хочет?
- Конечно.

Эйн испугалась. Такэсита прежде никогда не был так добр. Она уже привыкла думать, что всегда будет жить здесь рядом с ним. Это было всё, чего она хотела. Но, похоже, Такэсита намекал, что нынешнее положение дел скоро изменится. Эйн помолчала некоторое время и Такэсита, наконец, смирился.

- Ладно, если ты никуда не хочешь...
- Эйн хочет полетать по небу.
- По небу?

Как бы ни росло число лётчиков в Японии, обычный человек не мог просто так подняться в небо. Но у Такэситы, кажется, был план, и через несколько дней он привел Эйн на плац Аояма. Когда прибыла Токуко, чтобы поднять их в небо, он сказал ей:

— Я не полечу. Я хотел бы, чтобы ты взяла с собой только эту девочку. Будет здорово, если сможешь пролететь с ней над Асакусой.

Токуко взглянула с недоумением.

- Эту «девочку»? Ты говоришь про... ну, ладно, так и быть.

Эйн удивилась, что Такэсита не полетит с ней, и с негодованием посмотрела на него.

- Ты обещал, что мы всегда и везде будем вместе.
- Это ведь ненадолго, да и впереди место только на одного. Ты хотела полетать, разве нет? Так повеселись.

Для Эйн было отведено переднее кресло Таубе, перед пилотом. Наспех одев лётную фуражку и очки, она увидела, что Такэсита уходит, и обратилась к нему.

— У меня есть просьба.

— Какая?

— Ты поднимешься на смотровую площадку Дзюникай? Когда самолёт пролетит рядом, хочу, чтобы ты помахал мне.

— Поднимись, если успею добраться вовремя.

Эйн расплылась в сияющей улыбке и побежала к самолёту, подпрыгивая на ходу. Затем Таубе поднялся в воздух и постепенно подлетел к парку Асакуса. Дзюникай возвышался напротив пруда Хётан. Ни одно другое здание не было столь же высоким, чтобы скрыть его из виду. Эйн с нетерпением глядела на смотровую площадку. Таубе медленно облетел здание по кругу, но Такэситы нигде не было видно.

В это время Такэсита был в Суругадай, в гостевой комнате поместья виконта Фуэнокодзи.

— Он сейчас уехал в Шанхай.

Английский у Вари всё же был с небольшим акцентом.

— Да, я слышал об этом.

— Потому ты и пришел?

Закрыв шторы, чтобы затемнить комнату, Варя выскользнула из одежды, обнажив перед ним свою белую как шелк спину. На её фарфорово-бледной коже виднелись бесчисленные рубцы.

— Не пойми меня неправильно. Не то чтобы он просто издевался надо мной. Я делаю с ним то же самое.

— Не хочу знать подробностей на этот счёт.

Лаская холодное, миниатюрное для западного человека, тело Вари, он почуял как в нос ударил запах сильных духов. Понемногу её тело стало согреваться в руках Такэситы. Прикусив его за мочку уха, Варя прошептала:

— Кто же ты, хозяин или слуга?

Такэсита не мог ничего сказать в ответ. Холодные пальцы Вари ласкали всё его тело, так что он даже не понимал в какой позе она находилась и как это вообще физически возможно. Пока он пытался погрузиться в это чувство, в его сознание просачивался шёпот Вари.

— Есть люди, которые очень хотят поговорить с тобой. Ты встретишься с ними, ради меня?

* * *

Открыв глаза, Такэсита не мог определить, куда его притащили, но он хорошо понимал, что оказался в этой ситуации из-за своих собственных поступков. Крохотная узкая комната, в которой он сидел, возможно, была в подвале какого-то здания.

В отличие от подвала Дзюникай, здесь было очень влажно и неуютно. Оглядев комнату, он заметил, что стены покрыты хлопковой шумоизоляцией. Если бы он мог сбежать, он бы это сделал, но не был в силах сопротивляться вооружённым людям, которые привели его сюда.

Спустя время он услышал звук открывающейся двери, в комнату вошли двое. Один из иностранцев был ровесником Такэситы, второму на вид было около пятидесяти. Тот, что помоложе, обратился к Такэсите на японском с акцентом:

— Господин Такэсита, прошу простить за такое обращение.

«Ну конечно — подумал Такэсита — Варя говорила о встрече — встрече с большевиками, которые захватили власть в её стране, отчего ей пришлось сбежать за рубеж. У неё не было выбора. Ей ничего не оставалось, кроме как помочь им, чтобы продолжать жить дальше без проблем».

— Мы знаем, что вы обучались у одного из наших товарищей.

Товарищи... Никола Тесла, у которого учился Такэсита, был сербом и вырос в Австро-Венгерской империи. Даже если бы это всё и относилось каким-то боком к России, Тесла для русских товарищем не был, но тем не менее они видели это в таком ключе.

— Чего вы от меня хотите? — спросил Такэсита.

— У вас должна быть машина, которая видит будущее. Вы смогли создать её благодаря нашему товарищу, поэтому мы тоже имеем на неё право.

— Понятия не имею, о чём вы — ответил он по-английски.

С неприятным выражением лица старший что-то прошептал на ухо молодому. «Может быть у этого был плохой опыт со времен русско-японской войны» — подумал Такэсита.

— Мы можем отвезти вас в нашу страну. Но, похоже, вы ещё не закончили со своей машиной.

— Почему вы так думаете?

— Если бы вы её достроили, то не тратили бы время попусту.

В их рассуждениях было зерно истины. В самом деле, человек, который получил бы возможность видеть будущее по своему желанию, нажился бы на этом, а не прозябал, как Такэсита.

— Мы совершили революцию у себя на родине. Конечно, у неё были лидеры, но без документа, символизирующего идеологию революции, нам было не обойтись.

Они говорят о Манифесте Коммунистической партии.

— В Японии тоже есть что-то подобное. Вы так не считаете? Речь не могла быть о Конституции Мэйдзи. Такэсита склонил голову на бок и сказал:

— «Риссё Анкоку-рон»... например?

Такэсита не сразу понял, о чём говорит молодой русский.

«Риссё Анкоку-рон» — трактат, написанный в 1260 году монахом Нитирэнном. Он создал его, чтобы просветить своих последователей. В нём Нитирэн предсказал Первое монгольское вторжение. Такэсита знал что сторонников учения Нитирэна сейчас было больше, чем когда-либо, и держал язык за зубами, чтобы не ляпнуть, что такого рода документ никак нельзя было сравнить с машиной в подвале Дзюникай.

— Божественное откровение Оомото.

Странно было услышать такое от чужеземца. Оомото Синью было собранием изречений Онисабуро, унаследовавшего религиозную секту, основанную на пророчествах Нао Дэгути, одержимой Кондзином с Северо-Востока. Многие военные и учёные оказались под влиянием этих пророчеств о реорганизации, разрушении и возрождении современного мира.

После большой катастрофы массы, несомненно, устремятся к тому, кто точно предсказал её. Такэсита вновь осознал опасность своего детища — он словно стоял на краю бездны.

— Вы ведь не собираетесь использовать машину ради текущего японского правительства, не так ли? Пока что мы вас отпустим. Но, если вы будете в опасности, помните — мы ваши товарищи.

Старший из двух хмуро посмотрел на Такэситу, словно отрицая всё, что сказал тот, что помоложе.

* * *

Эйн было страшно, словно ей снился нескончаемый ночной кошмар. Такэсита никогда прежде не оставлял её одну так долго. «Отец», которого Эйн собирала в подвале Дзюникай, был почти готов, но, чтобы завестись, ему была нужна управляющая команда от машины, которая видит будущее. Эйн ждала и ждала, но Такэсита всё никак не появлялся. Может? он и вовсе никогда не вернётся.

Она гнала от себя такие мысли, насколько это возможно, но, поскольку ей нечего было делать, кроме как лежать на полу и смотреть в пустоту, она не могла избавиться от ощущения, что её бросили. Шли дни, ей всё труднее давалось различать сон и явь.

Эйн продолжала смотреть в потолок, не в силах определить, был ли он потолком в подвале Дзюникай или в каком-то другом месте. В поле её зрения кто-то был. Не Такэсита, а какие-то другие люди. Свет с потолка был таким ярким, что нельзя было разоб-
рать лиц. Мужчины говорили приглушённым голосом.

- Ты всерьез утверждаешь, что всё дело вот в этой пигалице?
- Нет сомнений, что он получал информацию из какого-то устройства, но, может быть машина в подвале Рёункаку не совсем то, что мы ищем. Эта девочка, о которой он заботился, — нельзя отрицать вероятность, что вся суть именно в ней.

Эйн наконец поняла, что речь про неё и что она лежит без одежды, привязанная по рукам и ногам к чему-то вроде кровати. Ей стало невыносимо грустно, когда она осознала весь этот ужас.

Если бы только он остался с ней. Он бы не позволил такому случиться.

- Думаешь, внутри неё что-то есть?
- Пока не вижу тому доказательств.

Один из мужчин, который смотрел на неё, кажется, был похож на виконта из Суругадай, которого Такэсита иногда навещал, но Эйн не была четко в этом уверена.

- Сколько ещё его будут держать?
- Ему не в чем сознаваться, так что недолго.
- Нужно выпустить его как можно скорее.
- Как скажете.

Эйн закрыла глаза. Если сильно зажмуриться, то свет не будет их раздражать. Она была уверена, что, когда откроет их в следующий раз, он обязательно будет рядом с ней.

ГЛАВА

6

ДЕНЬ ПРЕДСКАЗАНИЯ

Его выпустили утром, через несколько дней после того, как взяли под стражу. По сравнению с тем, что пришлось бы пережить идеологическому преступнику, пытки, которым подвергли Такэситу, были совсем незначительными, но всё же он был весь в синяках, а тело истощилось от многодневного недоедания. Его встретили Маюми Игараси и лейтенант Эноки.

— Вы в порядке?

— Эх, если бы я узнал раньше, то мог бы помочь.

Они взяли Такэситу под руки с обеих сторон, он почти падал. Мужчина смотрел на них пустыми глазами, словно не различал этих двух.

- Первым делом лучше накормить его где-нибудь.
- Согласен. Так, посмотрим. Как вы? Это я, Эноки.

Лейтенант Эноки посмотрел ему в лицо. В ответ Такэсита выдавил хриплым голосом:

- Какое сегодня число...
- Первое, первое сентября — сказал Эноки.

Такэсита побледнел пуще прежнего.

- Какой час?
- Почти полдень — ответила Маюми.

Такэсита резко дернулся и попытался бежать, но рухнул на землю.

- Чего это вы вдруг?

Двое тут же помогли ему подняться, но мужчина смотрел вдаль и торопился.

- Эй, Эй в Дзюникай.
- Эй — это кто?

Лейтенант Эноки вдруг вспомнил девочку, которая всегда была с Такэситой и которую не мог припомнить сержант военной полиции.

- Вот же черт! Скорее!
- Куда он так торопится? Может, он не в себе после допросов?

Лейтенант Эноки вздрогнул.

— Погодите, это что, произойдёт сейчас?

— Что произойдёт?

— В 11:58 утра первого дня девятого месяца двенадцатого года Тайсё...

Эноки побледнел вслед за Такэситой. Он посмотрел на часы и понял, что осталось всего несколько минут. Как ни спеши, всё равно до Дзюникай не добраться вовремя. Такэсита продолжал выкрикивать имя девочки. Удивительно, откуда у него оставалось столько сил, чтобы продолжать так яростно звать её.

Бум

Удар был такой силы, что, казалось, он подтолкнул Эйн в воздух, после чего она присела, ошеломлённая, не понимая, что только что произошло. Вскоре после этого началась сильная тряска, сопровождаемая вибрацией. Из подвала Дзюникай уже много чего вынесли, но оставшееся оборудование попадало на пол, а кирпичные стены начали рушиться.

— Так вот, о чём он говорил...

Раздался гул, и верхняя часть башни обрушилась. Сознание Эйн прояснилось, и она на четвереньках поползла к машине, которую собрала в соседней комнате.

— Отец, похоже, мы больше не можем здесь оставаться.

Она открыла маленький люк, который установила на его спине, и проскользнула внутрь. Было так тесно, что ей пришлось свернуться клубком. Она закрыла люк и запустила машину изнутри.

Дззззз...

Потолок в подвале провалился, и вниз стали сыпаться обломки. «Отец» протолкнулся через них и поднялся в полный рост. Рёункаку проектировали наподобие водонапорной башни, и изначально он не был предназначен для того, чтобы на него поднималось много людей или чтобы в нем жили.

Землетрясение разрушило верхнюю часть здания и всю внутреннюю. Как и во всем городе, в лабиринте из борделей, которые располагались под зданием Рёункаку, часто готовили днём на открытом огне, поэтому повторные толчки принесли за собой мелкие пожары, позднее слившиеся в одно огромное сплошное пламя.

Никто и не помнил, что из-под обломков выбрался трёхметровый механический гигант и исчез в облаке из пыли и дыма. Через некоторое время после землетрясения полуразвалившееся здание Рёункаку было снесено инженерным корпусом армии из-за опасности обрушения.

Инженерный корпус несколько дней обыскивал подвал Дзюникай. Извлечённые из-под обломков части оборудования были засекречены. Пожары от землетрясения продолжали распространяться, и Асакуса была выжжена дотла.

Неясно, где пропал Такэсита, пока пожары не утихли. Не было сомнений, что он осмотрел Дзюникай до прибытия инженерного корпуса. Но он не нашел Эйи и не знал, что «Отец», которого она строила, тоже исчез.

Такэсите, сделавшему из Дзюникай своё жилище, теперь некуда было идти. Он сидел посреди выжженной земли с соломенной циновкой на голове, совсем как бродяги, которых часто видел в Асакусе в прошлом. Поползли слухи, что кто-то отравляет колодцы. Всё было так же, как и в Сан-Франциско. Такэсита верил, что место, в котором он сейчас оказался, стало точно таким же, как место, в котором он был после того землетрясения, и здесь расходились те же самые слухи с явно недобрыми намерениями.

В Сан-Франциско тогда были люди, которые пользовались землетрясением как поводом для распространения слухов, чтобы избавиться от цветущего и пахнущего Чайнатауна. А теперь здесь, в Токио, зверские убийства уже выходили за рамки простых слухов.

Такэсита вдруг поднялся и бесцельно зашагал вперёд куда глаза глядят. Когда он, наконец, обратил внимание на своё окружение, то понял, что поднялся на Дангозаку. На полпути вверх по холму пожары прекратились, здесь было относительно безопасно. Он пришёл сюда, сам того не заметив, при том, что годами бессознательно избегал подниматься на этот холм.

Такэсита вспомнил тот день, когда они вместе с Эйн приехали на трамвае и он сидел с ней в кафе на втором этаже книжного магазина Нантендо. Раньше он жил неподалёку, однако после возвращения из Штатов он сюда не приходил.

Почему я терпеть не могу это место...

Вернувшись на Дангозаку после стольких лет, Такэсита ощутил ностальгию. Там стоял дом Огай-сенсея, а рядом был ресторанчик с лапшой соба, в который Такэсита часто захаживал. А если подняться на холм немного дальше, там была мастерская и жилище старого кукольника. От этих мыслей Такэсита вдруг почувствовал тяжесть в груди.

В эпоху Мэйдзи на этом холме были десятки магазинов с куклами-хризантемами, но он мало что знал о тех временах. К тому времени, как он переехал, популярность подобных кукол уже прошла, но несмотря на это, в Дангозаке осталось несколько мастеров кукольных дел.

Нет, я больше не могу выносить это.

Даже если бы он закричал внутри, про себя, Такэсита не мог убежать от потока воспоминаний, продолживших преследовать его.

Впервые я встретил Эйн в мейсю-я неподалеку от Дзюникай, где выкупил её за некоторую сумму — это воспоминание должно было быть правильным, но Такэсита уже не мог дальше верить в эту «сказку».

В самый первый раз он увидел Эйн здесь, в Дангозаке. Ему вдруг захотелось зайти в магазин старого кукольника. Тот, похоже, уже отошел от дел, и через окно было видно, что мастерская заброшена. Тогда взгляд Такэситы приковало нечто, что было внутри.

Там сидела кукла девочки — настолько красивая, что её можно было легко спутать с настоящим живым человеком, хотя живой она, конечно, не являлась. Одета в кимоно, это была обычная деревянная кукла с простым механизмом. С того момента Такэсита день и ночь без устали смотрел на неё через окно мастерской.

Кукла не двигалась ни на дюйм, но Такэсита всё никак не мог отделаться от мысли, что она живая, обладает сознанием и отчаянно хочет выбраться оттуда на свободу.

Предстояло немало работы, чтобы воплотить в жизнь то, чему он научился у Теслы, но он постоянно думал только о ней — той девочке-кукле, и боялся, что сойдет с ума. Дальше так продолжаться не могло, нужно было что-то сделать, и ему на ум пришла одна-единственная мысль.

Однажды глубокой ночью Такэсита выломал дверь, вынес куклу из мастерской и убежал с нею прочь. Кукла повернулась в его руках и сказала «Спасибо», удивив и обрадовав его. Он дал ей имя — Эйн — и с тех пор она стала для него как живая.

Из беседы с виконтом Фуэнокодзи

Такэсита? Не очень хорошо его помню. Кажется, он учился в Штатах, я иногда приглашал его к себе. Он рассказывал много интересного. Была ли с ним некая девочка? (*Фуэнокодзи не мог перестать смеяться какое-то время.*) Вы имеете в виду его куклу? Я помню историю о Декарте, который носил с собой куклу в сумке, но этот человек ходил со своей куклой на руках и не прятал её. Иногда он разговаривал с ней вполголоса, и мы с женой пытались подыграть ему, поддерживая беседу.

Из беседы с репортёршей Маюми Игараси

Да, именно так. Я встретила Такэситу после того, как его освободили из-под стражи. В тот момент никакой куклы с ним не было. Но я говорила с Норико Инбе — пилотом в Аояма, она упомянула, что Такэсита просил её об экскурсионном полёте, но сам не полетел и посадил в самолёт куклу девочки — он звал её «Эйн».

Из беседы с лейтенантом Эноки

Я встретил Такэситу, когда меня командировали из Синдзюку-Тояма для расследования радиоволн в районе Асакуса, которые превышали по мощности сигналы от военно-морского оборудования. Девочка по имени Эйн? Да, я встречал её. Кукла? Что за чушь вы несете? Она была живая. Да, безусловно.

Такэсита бежал из Дангозаки что есть силы. Всё его тело ныло, и сердце было готово разорваться, но он думал, если уж так было суждено, то пусть сердце остановится раз и навсегда.

Я не хочу это вспоминать!

Ах, если бы это всё было лишь ночным кошмаром. Как бы он был рад не никогда просыпаться и остаться в нем навечно. Эйн пропала, её больше нигде не было. Нет, её не существовало с самого начала. Он не желал признавать этого, но больше не мог сопротивляться.

ГЛАВА

7

СЁВА

Никто точно не знал, чем занимался Такэсита, когда потерял Эйн после землетрясения. Может быть, он восстановил своё оборудование из Дзюникай или от отчаяния потерял всякую цель в жизни и бродил то тут, то там.

После катастрофы, те кто её предсказал, оказались в центре внимания. Однако таким человеком был не один лишь Такэсита.

Служитель Сакамото из большого храма Коисикава раздавал рабочим районов Хондзё и Фукагава таблички с «Рейяку» и проповедовал, что «в этом году многие люди умрут». Когда произошло землетрясение, выяснилось, что те, кто получил таблички, спаслись.

Игараси слышала, что Такэсита перебрался на континент и вёл какую-то подозрительную деятельность. Одно было известно точно, в седьмой год эпохи Сёва он вернулся в Токио.

Икэбукуро мало пострадал от землетрясения. Оно и понятно, ведь в этом районе в то время вообще мало чего было. Каждую ночь не только студенты, но и сомнительного вида молодые люди собирались в шахматных клубах, кафе и дешёвых барах рядом с университетом Риккё, у западного выхода со станции.

Это было время убийств и восстания военных — в воздухе витало ощущение, что вдали от общественного контроля происходят события, которые никто не может остановить. Но для этих молодых дурней, не имевших за душой ни гроша, это было время, когда они упивались собственной свободой.

Такэсита был уже немолод физически, но душой оставался студентом, поэтому в районе, окружавшем западный выход станции Икэбукуро, он чувствовал себя как дома и часто сидел один за стойкой местных кафе.

— Шумные ребята, да?

Такэсита несколько опешил, когда кто-то заговорил с ним рядом.

— Нет, мне в принципе всё равно.

В его жизни был период, когда с самого утра с ним постоянно разговаривали, и от этого он чувствовал себя не очень комфортно, но в то же время не мог этого забыть. Такэсита спросил подошедшего к нему мужчину, который был немного старше суетившихся рядом молодых людей:

— Вы тоже художник?

Такэсита знал, что многие из тех, кто собирался в этом районе, были студентами, что хотели стать художниками или скульпторами. Мужчина, который заговорил с ним, был в берете и Такэсита предположил, что тот был художником, но ошибся.

— Я поэт.

— А, понятно. Но почему так много начинающих художников собираются здесь? Такэсита не находил себе ответа на этот вопрос.

— Если проехать в сторону Сиинамати, там есть несколько дешёвых ателье, они почти как таунхаусы. Район изначально был заболоченным. Люди, купившие там землю, вымостили её древесным углем и привлекли молодых художников такими постройками.

— Вот как, значит.

— Почти как парижский Монмартр. Да, разница ощутима, но у этого места не отнять любви к искусству.

Сказав это, поэт довольно покачал головой. Тут внутрь вошёл бесстрашного вида мужчина с тростью. Возможно, он носил её с собой из-за хромоты.

— Позвольте откланяться — сказал поэт Такэсите и ушел к хромоту мужчине.

* * *

На следующий вечер Такэсита направился к Сиинамати.

Не то чтобы он сильно заинтересовался деревушкой ателье, но, услышав рассказ поэта, ему захотелось на неё взглянуть. Вскоре он приметил характерные треугольные крыши из красной цементной черепицы. Днём здесь было тихо, — видимо люди спокойно работали над своими творениями, — что совершенно отличалось от ночной суеты западного выхода Икэбукуро.

Прогуливаясь без конкретной цели, Такэсита испытывал некое предчувствие. Возле мастерской одного скульптора стояли гипсовые слепки, которые были либо этюдами, либо готовыми работами. Большинство из них, как и ожидалось, были человеческими фигурами, но эти бесчисленные бледные «тела», лежавшие в тусклом освещении, выглядели несколько зловеще.

Уставившись на одну из гипсовых статуй, Такэсита внезапно вздрогнул, будто холодной рукой его схватили за самое сердце.

Его взору предстало нечто невероятное.

Это была фигура обнажённой девочки, выполненная в натуральную величину. И, как бы он ни противился, эта девочка была той самой, с которой он когда-то жил — нельзя было видеть в ней кого-то ещё, кроме Эйн. Такэсита был не в себе, должно быть он ошибся. В конце концов, Эйн была всего лишь ожившей куклой. До землетрясения Такэсита думал, что Эйн — живая девочка.

Но ведь Эйн не исчезала. Её вообще никогда не было.

Он твердил себе это тысячу раз, и всё же, переезжая с одного места на другое, бессознательно продолжал искать Эйн, думая, что она ещё жива и ждет его. Полный отчаяния, он отошел от статуи и заглянул через окно в другое ателье. Там работал художник-абстракционист, который ушел в сюрреализм. Видимо, хозяина не было дома. На незаконченном холсте виднелись скорей четкие, чем абстрактные очертания. Такэсита думал, что теряет рассудок.

На полотне был портрет Эйн.

Желание вновь встретиться с ней захлестнуло Такэситу до такой степени, что он стал видеть иллюзии.

«Ясно... ну, если так, то, может, это даже хорошо» — думал он, уже собравшись уйти, подволакивая отяжелевшие ноги.

Затем, за студией в дальнем конце, он увидел бронзовую статую девочки.

Она была выполнена другим художником, нежели гипсовый слепок, но и это, без сомнения, была Эйн. Такэсита мгновение посмотрел на неё, затем осторожно дотронулся кончиками пальцев и ощутил холод бронзы.

Это была не иллюзия. Иначе быть не может — эту статую делали с натуры, с Эйн.

Он развернулся обратно к деревне.

Ты была здесь, Эйн.

Подобно музе Кики из Парижа, у этой деревни была своя собственная, и это была Эйн.

Она жива и ни капли не изменилась с великого землетрясения, и она дарит вдохновение местным деятелям искусства. Но такая благодать уже не снизойдёт на него самого. Такэсита был совершенно в этом уверен. Сердце его наполнилось теплом от мысли, что Эйн существует. Такэсита пошёл навстречу городским огням, а что было дальше никому не известно.

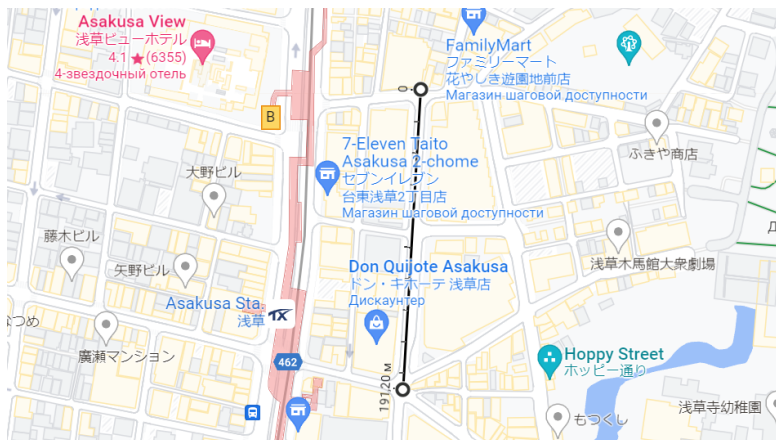
Примечания

Страница 4

Да, Рокку это театральная улица, и помимо театра и Оперы Асакуса в тексте упоминаются «зрелищные домики» — домики для представлений, небольшие выставочные павильоны, авансцены, шоу уродцев. Сложно найти аналогию для «кацудо-гоя» или представить себе что это были сплошь кинотеатры.

«Шестиулицье» было выбрано для обозначения Рокку потому что там идёт шестиконечная развилка. От места, где раньше стоял Дзюникай, до неё с севера на юг меньше 200 метров.

Мэйсю-я — магазин, который даёт вывеску о продаже высококачественного саке и притворяется баром, тайно нанимая частных проституток для обслуживания клиентов. Фактически «розовый салон».

Ёсивара — квартал красных фонарей, основанный в 1617 году. Ёсивара буквально означает «Тростниковое поле», но вскоре иероглифы были заменены на точно также звучащее «Весёлое поле». Квартал был окружён рвом с водой и обнесён высокой деревянной оградой. Пожар 1657 года уничтожил все поселения у Нихонбаси, и публичные дома Ёсивары переехали на новое место — в район Асакуса, севернее Дзюникай, уже как «Син Ёсивара».

Примечания

Мори Огай — японский писатель, историк, критик и переводчик. Первый президент Имперской академии художеств (1919—1922, ныне Японская академия искусств).

Страница 6

...англичанин по фамилии Браун... — Карл Фердинанд Браун, только он был немецкий физик. Изобретатель катодно-лучевой трубки, «трубки Брауна».

Страница 11

...мужчина в английском охотничьем берете... — берет «тори-ути-бо» носился торговцами примерно с 1887 года и стал символом купечества того времени. Также это элемент образа детектива или сыщика.

...Неужто он из военной полиции... — корпус безопасности японской императорской армии, он же «Кэмпэйтай», существовавший в 1881-1945 годах.

Страница 13

Хара Такаси — японский политический и государственный деятель, премьер-министр Японии в 1918-1921 годах.

Синтаро Накаока — самурай периода Бакумацу, близкий соратник национального героя Японии Сакамото Рёма, поддерживавший свержение Токугавы.

Страница 14

...катастрофу на западном побережье США... — землетрясение в Сан-Франциско 18 апреля 1906 года.

Страница 16

Иен-таку — в ранний период Сёва работало такси под таким названием. Независимо от длины маршрута по Токио, оплата за поездку составляла 1 иену.

Страница 17

Плац Аояма — когда-то был военным объектом в Токио-Сити, префектура Токио. На большой площади в центре города часто проводились масштабные мероприятия.

Страница 18

Кэн — японская мера длины в 1,81 метра.

Страница 19

«*Шестерёнка*» — рассказ писателя Рюноске Акутагавы, написанный в 1927 году.

Страница 22

...посреди холма Дангозака... — холм, спускающийся на восток на границе между Сендаги 2-тэмэ и 3-тэмэ, Бункё-ку. Есть две теории о происхождении названия: одна состоит в том, что раньше у подножия холма располагалась лавка клёцек данго. Другая состоит в том, что сам холм настолько крутой, что если вы упадете в дождливый день, станете похожи на грязную клёцку.

Перагоро — оперные фанаты. Сложное слово, где «пера» это опера, а «горо» это «гороцуки», разбойник, мошенник, бандит. По другим сведениям «горо» пришло от «жиголо».

Страница 23

Оннагата — амплуа театра кабуки; исполнители-мужчины, играющие роли женщин, а также соответствующий стиль игры.

...пейзажи на серебряном экране... — поверхность старых проекционных экранов была покрыта серебряной плёнкой, поэтому их называли «гинмаку» («серебряный занавес»), отсюда и кинокартины тоже переняли это метафорическое название, а известные актрисы были «героинями серебряного экрана».

Страница 24

...схватил рассказчика за руку... — «Кацудо сашин бэнси», «ка-цубэн», нарратор, рассказчик. В эпоху немого кино человек, чья работа заключалась в том, чтобы объяснять сюжет и произносить реплики персонажей во время показа.

Страница 26

Накамурая из Синдзюку — пекарня, открытая в 1901 году — <https://www.nakamuraya.co.jp/pavilion/history/>

Фра Дьяволо, или Гостиница в Террачине — комическая опера французского композитора Даниэля-Франсуа-Эспри Обера.

Страница 27

Сакаэ Осуги — японский революционер-анархист и социалист.

Ито Ноэ — японская анархистка, феминистка и социальный критик. Она была главным редактором феминистского журнала «Сэйто».

Итико Камитика — журналистка, феминистка, писательница, переводчица и критик. После Второй мировой войны Камитика служила в Палате представителей Японии в составе Социал-демократической партии. Камитика познакомилась с Сакаэ Осуги в 1914 году. В то время он был женат, но вскоре завязал новые отношения с анархо-феминисткой Ито Ноэ. Осуги заявил всем трём женщинам, что эти нетрадиционные отношения были попыткой проверить его теорию свободной любви, в соответствии с которой всем сексуальным партнерам должна быть предоставлена полная свобода. 8 ноября 1916 года Камитика ударила Осуги ножом в шею. Эти события позже стали известны как «Инцидентом Хаяма Хикаге Чайя» в честь чайного домика в Хаяме, Канагава, где и произошел инцидент. 7 марта 1917 года Камитика была приговорена к четырем годам тюремного заключения, но после обжалования приговора отсидела только два.

Страница 28

Такэо Арисима — японский писатель, прозаик, эссеист, литературный критик, видный представитель литературной группы «Сиракаба» («Белая берёза»).

Страница 29

...из тайной полиции... — «Токубэцу кото кэйсацу» («Особая высшая полиция»), часто сокращается до «токко кэйсацу» или «токко». Тайная политическая полиция, существовавшая в Японской империи с 1911 по 1945 год.

...Ноз Ито-сан и другие лишатся своих жизней... — В 1923 году за участие в праздновании Первого мая в Париже Осуги был арестован на 3 недели и выслан в Японию. Далее был арестован в Токио и забит до смерти жандармами вместе со своей сожительницей Ито Нозэ и шестилетним племянником. Впоследствии эти события стали известны как «Инцидент Амакасу».

Страница 31

Икки Кита — японский писатель и политический философ. Оказал огромное влияние на людей (преимущественно военных), которые возглавили японский милитаризм и управляли Японией во время Второй мировой войны.

Страница 33

Кумадзава Хиромити — японский бизнесмен и буддийский священник из Нагои, также известный как «император Кумадзава». Публично оспаривал законность родословной императора Хирохито.

Страница 39

Taube (Etrich Taube) — самолёт Первой мировой войны авиа-конструктора Иго Этриха.

Осада Циндао — с 27 августа по 7 ноября 1914 года японские и британские войска и флотом осаждали порт Циндао — административный центр германской колонии Цзяо-Чжоу в Китае.

Во время осады немецкий гарнизон имел только один самолёт Etrich Taube, которым управлял лейтенант Гюнтер Плюшов. Таубе использовался для частых разведывательных полетов, и Плюшов совершил несколько неприятных атак на блокирующую эскадру, сбрасывая на них самодельные боеприпасы и другие снаряды. Плюшов заявил, что сбил японский Farman MF.VII из своего пистолета, что стало первой воздушной победой в истории авиации.

Страница 41

Кэтрин Стинсон — пионер авиации, первый американский пилот, летавший ночью, первый авиаперевозчик в Канаде, первая женщина — воздушный каскадёр и артист.

Страница 46

Оомото — религиозное движение, возникшее в конце XIX века в Японии. Иногда его считают «реформированным синтоизмом», школой (сектой) религии синто, но по доктрине Оомото-кё, это вполне самостоятельная религия, с синто имеет схожесть только обрядовую и некоторые общие праздники.

Онисабуро Дэгути — сооснователь религиозного движения Оомото. Комментатор записей основательницы секты Дэгути Нао и автор доктринальной основы Оомото-кё.

Дэгути Нао — основательница религиозного движения Оомото.

Кондзин — в синтоизме — ками, бог металла, мужское божество из японской мифологии.

Страница 55

...историю о Декарте, который носил с собой куклу... — речь о работе *Mélanges d'histoire et de littérature* by Vigneul-Marville 1699 года, в которой рассказывается история о «механической дочери» Рене Декарта, которую он создал как замену своей умершей дочке Франсин.

Страница 57

Рейяку — религиозное лекарство, которое, как говорят, дарует бессмертие, если его съесть.

Страница 61

Подобно музе Кики из Парижа... — «Кики с Монпарнаса», Алиса Эрнестина Прен — французская певица, актриса, художница, но прежде всего — знаменитая натурщица, модель сюрреалистов и художников Парижской школы.

Дополнения. Часть 11 | Кошмар без конца

Минами Харуо — певец энка и исполнитель рокёку. Его песня «Tokyo Gorin Ondo» была тематической песней летних Олимпийских игр 1964 года.

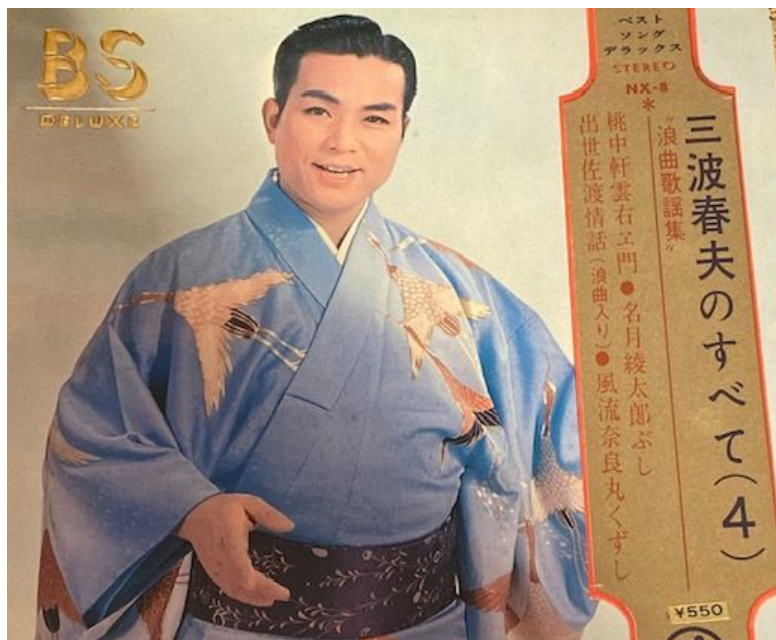
На развороте с неन्द्रоидом в тексте написано: Jitsuwa banpaku no fun'iki to wafukuna node, koj-in-teki ni wa hisokani 'Minami otokoda!' to omotta ndesu yo (Emi).

Грубо говоря "На самом деле, из-за атмосферы выставки и кино моно я про себя подумал: «Это Минами Отоко!» (смеется)".

Абэ нарисовал Эйн в виде фигурки нендроида, одетую в красивое кимоно. С кем же её сравнивает интервьюер господина Недзу?

При запросе «Минами» в японском Yahoo или в Google выдается статья на Вики про певца народной японской энка Минами Харуо и его фото этого с обложки музыкального альбома, который также как и Эйн, одет в красивые кимоно.

Одно из них почти похоже на кимоно с иллюстрации Абэ, синеватое, с фиолетовым, как хризантема, поясом «оби». Да и поза Эйн на иллюстрации чем-то напоминает картинку, найденную мной в Сети, где изображен певец, уже не говоря про выражение лица. Ближе я ничего не нашёл, чтобы расшифровать эту отсылку из интервью.

Дополнения. Часть 12 | Случайная встреча

«*Катюшкины*» *барышни* — на развороте нарисована Каяхаси Кимика, также известная как «Рюшка» — главная героиня одноимённой манги «Рюшка•Рюшка» за авторством Абэ. Именно её Эйн держит за руку.

Что касается «катюши» — это ободок для волос.

Он обрёл популярность благодаря постановке токийским Художественным театром в марте 1914 года пьесы по роману Льва Толстого «Воскресение». Инсценировку романа создал Симамура Хогецу — известный японский писатель, поэт, режиссер и драматург, один из первопроходцев натуралистического литературного движения и основателей в Японии нового театра по образцу европейского. А законодательницей моды — носить ленту на голове — стала японская актриса Мацуи Сумако, сыгравшая в спектакле Катюшу Маслову.

Главная героиня стала невероятно популярной у японского зрителя, а аксессуар для волос, в котором Мацуи-сан, якобы, появлялась на сцене, все стали называть «катюша», и этот стиль причёски быстро вошел в моду того времени.

Отсебятина и благодарности

Как ОП третьего Лэйн-треда на 2ch.hk я не мог пройти мимо «Десперы». А когда я увидел в каком плачевном состоянии её перевод на русский, решил поправить эту ситуацию. Спустя N месяцев я прошёл через многое.

Была и переписка с Конакой (когда я получил письмо от него, это был один из самых счастливых дней в моей жизни) и долгие дни мучений в Фотошопе и Линзе Google, сбор людей в группе в Телеграм, для помощи в переводе, поиск оригинального шрифта, каким написана «Деспера», расшифровка рукописных иероглифов Абэ, перепиской с XL Media, бессонные ночи в японском Yahoo и прочее.

В pdf много ссылок, для чтения лучше использовать соответствующую программу, которая умеет всё подсвечивать. Например - Sumatra PDF.

Большое спасибо всем, кто меня поддерживал. Надеюсь, что мне хотя бы немного удалось рассказать вам, что такое «Деспера».

Искренне ваш, Бэзил.

1 июня 2023 года